

Попов

Собака-привидение (рассказ офицера)

В большой, изящно мебелированной комнате одной из лучших гостиниц Бухареста¹ собралось небольшое, но разнообразное общество, у полковника В.² Здесь были корреспонденты «New-York Herald»³, «Times»³, «Голоса» и «Биржевых ведомостей»; полковник Н*, капитан Л-кий и уполномоченный общества Красного Креста П-в. Представительницей женского общества была только хозяйка Анна Александровна В., заботливо хлопотавшая у чайного стола, к которому она вскоре и пригласила всех.

За чайным столом посыпались еще более смех и шутки. Все были в веселом настроении духа и каждый старался рассказать что-нибудь посмешнее, чтобы отличиться перед другими. Одни только Мак-Гахан³ и отчасти лорд Литтон, корреспонденты американской и английской газет, не разделяли всеобщей веселости, чем и обратили на себя внимание всего общества.

– Что вы так скучны, сэр? – обратился полковник В. к лорду Литтону.

– Думаю, что теперь подделывают в Эрлих-стрите, – задумчиво отвечал последний.

– Можно с полной уверенностью сказать, что все сидят у камина, пьют сидр и разговаривают о далеких друзьях в Индии или же о привидениях, – произнес Мак-Гахан.

– Неужели в Англии до сих пор верят в привидения? – спросила Анна Александровна.

– Большинство не верит, – отвечал лорд Литтон, – но все же есть масса и верующих, которые хотя один раз да видали привидение. Есть много и не видевших, но верующих. Кроме того, у нас вообще принято вечером накануне Рождества⁴ проводить всем вместе, рассказывая друг другу о привидениях, а это весьма благодарная тема для разговора, так как существует масса эпизодов, ежегодно пополняемая запасом новых.

– Не знаю, господа, как вы, а я не могу отрицать существования привидений, так как был свидетелем одного случая, который останется мне памятным на всю жизнь. Этот случай поколебал мою недоверчивость, – произнес капитан Л-кий.

– Какой случай? – обратились все к Л-му. – Расскажите, пожалуйста.

– С удовольствием, если только он вас заинтересует.

Во время кавказской войны я служил в одном из находившихся в кампании полков. Там же был переведенный из гвардии некий Недевичев. Красавиц собой, высокого роста, он возбуждал всеобщее восхищение. Отличался он ужасной угрюмостью и нелюдимостью. Единственной его привязанностью была большая черная собака с белым пятном на лбу по кличке *Каро*. Однажды нашему полку пришлось быть в деле против возмущившегося аула. Черкесы защищались с

Публикуется по: Одесский вестник, 1879, №146, 5 июля.

Этот рассказ под названием «The Phantom Dog. An authentic story by a Russian officer» («Собака-привидение. Подлинная история, рассказанная русским офицером») был также опубликован в переводе Е.П.Блаватской в: The Theosophist, 1879, т. I, декабрь. Публикацию предворяли вступительные слова Е.П.Блаватской: «Этот рассказ только что был опубликован в “Одесском вестнике”. Опытный и храбрый офицер, который ручается за достоверность изложенных фактов и который был очевидцем двух эпизодов этого странного происшествия, слишком хорошо известен в светских кругах Тифлиса и Одессы, поэтому вряд ли это “сказка про белого бычка”. И кроме того, у нас есть имена всех участников трагического финала. Что бы там ни напридумывала недоверчивая публика, капитан Л., по крайней мере, весьма уважаемый офицер, представил эту историю в Бухаресте как подлинный факт, и мы ее печатаем в качестве вклада в психологическую литературу» (перевод с английского Е.Е.Корчемкиной, Санкт-Петербург). Рассказ был прислан, по все видимости, Н.А.Фадеевой Е.П.Блаватской в Индию.

Подготовка текста и комментарии А.Д.Тюрикова.

¹ Бухареста (*фр.* Bucarest).

² Во время русско-турецкой войны в конце 1877 г.

³ Мак-Гахан Януарий Алоизий (1844–1878) – американский военный корреспондент, известен своими статьями о зверствах башибузуков в Болгарии в 1876 г., получившими широкий общественный резонанс в Европе и вынудившими британское правительство к отказу от поддержки Османской империи в русско-турецкой войне 1877–1878 гг.

⁴ Это был канун Рождества. – *Примечание автора статьи.*

отчаянной храбростью, но на нашей стороне был численный перевес и мы одержали победу. Солдаты, ожесточившиеся упорною защитою черкесов, убивали всех, не щадя стариков и детей. Недевичев командовал ротою и был впереди всех. Мне случайно пришлось столкнуться с ним подле одной из юрт. Я был поражен. Красивое лицо Недевичева превратилось в какое-то зверское, глаза налились кровью и блуждали, как у сумасшедшего. Он с остервенением рубил своею саблею какого-то старика. Я был ужасно поражен этой жестокостью и быстро подбежал к нему, желая остановить его. Но в эту минуту из соседней юрты выбежала женщина и с воплем, который потряс все мои нервы, бросилась к старику и упала поверх его. Недевичев, как ужаленный, отскочил в сторону и весь задрожал. Я обратил внимание на женщину и сам невольно отступил назад. Господи! что за красавица была перед нами. Это была прелестнейшая брюнетка. Глаза черные, как уголь, положительно искрились от ужаса и ненависти, с которыми она смотрела на нас. Мы отошли с Недевичевым в сторону, и он почти машинально приказал играть сбор для прекращения бесполезной резни. После этого происшествия я в течение некоторого времени не видел Недевичева и потом случайно узнал, что та самая женщина чрез два дня пришла к Недевичеву в палатку, бросилась к нему на шею и сказала, что страстно его полюбила за храбрость, что она хочет быть его женой... И еще много кой-чего толковали завидовавшие ему товарищи... Я сначала этому не поверил, пока не убедился сам в истине рассказывавшегося. После покорения мятежного аула, по распоряжению главнокомандующего, мы расположились лагерем у подошвы горы, вблизи покоренного акула, для наблюдения за Шемахинской дорогой, проходившей тут. Стоять нам пришлось здесь долго, и мы свободное время проводили в разных поездках, гуляньях и охотах. Однажды вечером я взял ружье и, кликнув своего «Мизантропа», отправился побродить в виноградниках. Охотиться я не думал, а просто хотел немного размяться и посмотреть заход солнца с Али-дага. Дорога шла среди прелестнейшей местности. Справа и слева возвышались стволы мимоз, белых акаций и других деревьев, обвитых виноградными лозами с крупными кистями винограда, каштаны с широкими кронами листьев, пересыпанных плодами. Пчелы жужжали по бесчисленному множеству цветов, росших везде, куда вы не бросали взор. В воздухе стояла невозмутимая тишина, дышавшая какой-то негой, которая еще более одолевала от запаха разнообразных цветов. На встречу не попадалось ни одного человека, и мне казалось, что я иду по какому-то прелестному необитаемому острову.

Подобное впечатление я испытал еще раз в своей жизни. Это было уже в нынешнюю кампанию на одном из Принцевых островов⁵. Разница была только в природе.

Пройдя довольно порядочное расстояние по узенькой тропинке, шедшей извиристо на гору, я наткнулся на маленькую рощицу, чрезвычайно эф[ф]ектно освещенную заходящим солнцем. Под группую высоких деревьев, на зеленой лужайке, лежал Недевичев. Подле него сидела черноокая красавица и перебирала волосы на голове Недевичева, склонившись над ним. Тут же у ног их растянулся и *Каро*. Не желая нарушать их tête-à-tête⁶, я, пользуясь тем, что они меня не заметили, быстро прошел мимо лужайки и начал взбираться на гору. Проходя чрез один из виноградников, я нечаянно наткнулся на трех горцев, которые, заметив меня, быстро исчезли, но при этом я успел заметить, что они были вооружены. Предполагая, что это беглецы из покоренных аулов, я прошел мимо, не обратив на них особенного внимания. Благодаря отличной погоде, я пробродил до поздней ночи и вернулся домой чрезвычайно усталым. Проходя лагерем к своей палатке, я сразу заметил, что там происходит что-то особенное. Вот быстро проехал конный разъезд усиленного состава. Навстречу мне быстро пронесся дивизионный адъютант. Там, близ одной из офицерских палаток, толпится народ с фонарями и слышится громкий говор. Заинтересованный всем этим, я преодолел усталость и быстро направился к палатке, где собралась толпа. Подойдя ближе, я заметил, что это палатка Недевичева, и у меня в уме быстро зародилось страшное подозрение, которое скоро перешло в ужасную действительность.

На кровати лежал окровавленный Недевичев; он был весь изрезан ятаганами. Тут же в ногах растянулся и *Каро*, смотревший на своего господина с такой жалостью, что у меня невольно навернулись слезы на глазах.

---

⁵ Принцевы острова – группа из девяти островов недалеко от берега Стамбула в Мраморном море.

⁶ свидания, уединения (*фр.*).

Скоро я узнал следующее: поздно вечером в лагерь прибежал *Каро* и громким лаем обратил на себя внимание всех. Тут заметили, что у него окровавлена морда. Умная собака как бы приглашала куда-то идти, что и поняли и двинулись за ним. *Каро* бежал всю дорогу впереди и, наконец, привел к лужайке, где лежал убитый Недевичев. При этом заметили вдали от убитого целую лужу крови, которая смутила всех, но, вспомнив об окровавленной морде *Каро*, все догадались, что тот выдержал с одним из убийц победоносную борьбу. Черноокая красавица исчезла. На другой день Недевичева похоронили с пышною церемониею и мало-помалу забыли о печальной катастрофе.

Несколько офицеров брали *Каро* к себе, но он ни у кого не хотел жить и привязался к солдатам, которые очень любили его. Через несколько времени я узнал, что *Каро* убит каким-то черкесом. Солдаты чуть не плакали за *Каро* и обещали жестоко отомстить. После взятия Шамиля в плен⁷, я уехал в Петербург.

Прошло восемь лет, началась нынешняя кампания, и я был, как вы знаете, командирован на Кавказ как знаток тамошней местности. Мне пришлось прибыть туда в начале августа. Турки, очевидно, боялись нас и бездействовали. Мы тоже не предпринимали ничего и спокойно стояли лагерем, занимая Кизил-Тапу перед Аладжинскими высотами, на которых укрепились турки. В лагере не было особенной строгости. В передовые посты и конные пикеты очень часто доверчиво посылались кавалеристы-магометане. Мне нередко рассказывали, что на часах видали спавших солдат. Наступило несчастное 13 августа, и мы потеряли Кизил-Тапу⁸. После этой неудачи строгость в службе достигла громадных размеров: самый малейший проступок против дисциплины наказывался чрезвычайно строго. Так прошло несколько времени. Еще раньше я слышал про какого-то *Каро*, которого обожали солдаты. Зайдя однажды к полковнику К-ву, я случайно услышал, что один из офицеров произнес кличку «Каро». Заинтересованный, я начал прислушиваться. Майор⁹ Т-па, обращаясь к одному из артиллеристов, произнес:

– Это, наверно, какая-нибудь проделка солдат.

Я обратился к майору с вопросом: «Что это значит?»

– Неужели вы ничего не слыхали про *Каро*? – в свою очередь с удивлением спросил меня майор.

– Нет, положительно ничего.

– Видите ли, до занятия турками Казил-Тапы у нас несколько разбаловались солдаты. Очень часто дежурные офицеры видали спящих часовых и патрульных. Но поймать кого-нибудь из них не было никакой возможности: чуть лишь только показывался дежурный, как откуда-то появлялась черная собака с белым пятном на лбу, подбегала к спящему и дергала его зубами за ногу. Тот, конечно, просыпался и, оправившись, начинал расхаживать, как ни в чем не бывало. Говорят, будто бы это привидение собаки, бывшей у какого-то офицера, убитого горцами во время прошлой кавказской войны.

При последних словах майора Т-пы у меня воскресло в памяти только что рассказанное происшествие. Будучи вне себя от удивления, я молчал.

– Вы слыхали, – произнес полковник К-в, – что главнокомандующий предписал первого, кого заметят спящим на часах, расстрелять для примера прочим.

– Да, слыхал, но я хотел бы прежде застрелить это импровизированное привидение, чтобы разоблачить эту проделку.

– А знаете что, господа, – обратился к нам адъютант, – я скоро еду поверять посты. Не хотите ли поехать со мной? Может быть, что-нибудь откроем.

Все с готовностью согласилось на это предложение. Не желая отставать от компании, кроме того пожираемый любопытством, я тоже присоединился к ехавшим. Майор Т-па зарядил револьвер и мы – тронулись. Ночь была прелестнейшая. Полная луна мягко и фантастически освещала возвышавшиеся перед нами Аладжинские высоты и Кизил-Тапу. В воздухе стояла

---

⁷ Шамиль (1797–1871) – предводитель кавказских горцев; с 1834 г. имам теократического государства – Северо-Кавказский Имамат, в котором объединились горцы Западного Дагестана, Чечни и Черкесии; в течение 25 лет боролся против российских войск; 25 августа 1859 г. сдался в плен.

⁸ Турецкие войска захватили вершину Кизил-Тапу 13 августа 1877 г.

⁹ Майор (устар.).

невозмутимая тишина. В неприятельском и нашем лагерях было тихо; лишь кое-где раздавался звук волынки или скрипки или кто-нибудь затягивал:

Дрались мы с тобой
По горам твоим, Кавказ,
Раздалось слово об нас¹⁰;

но и песня как-то печально обрывалась.

Мы проехали пустынным ущельем и начали взбираться на пригорок. Вдали показалась цепь. Мы держались проблеска, чтобы быть в тени, желая быть незамеченными. Действительно, нас не заметили. Скоро нам сделалось видно, что один из часовых, сидя на кочке, очевидно спал. Мы уже были шагах во сто от него, как вдруг быстро пронеслась из-за кустов черная собака. О, ужас! Это *Каро* Недевичева; я положительно узнал его. Собака прибежала к часовому и схватила его за ногу. Я напряженно следил за этой сценой... Вдруг с боку от меня раздался выстрел. Это выстрелил майор Т-па в собаку... Я вздрогнул от неожиданного выстрела. В эту минуту часовой упал. Мы бросились к нему... Майор Т-па первый слез с коня и начал поднимать его, но в ту же минуту сам упал без чувств.

Скоро все разъяснилось: отец убил сына. Сын майора Т-пы служил вольноопределяющимся в том же полку и теперь был в цепи; благодаря несчастной случайности, он был убит отцом.

После этого происшествия «Каро» исчез.

---

¹⁰ Слова из песни Кабардинского егерского полка «Вторжение Шамиля в Кабарду» (1846).